

П. Е. ФОКИН*

**«...ВЗГЛЯДЫ НА РОССИЮ, Я УВЕРЕН,
РАСХОДИТЬСЯ У НАС НЕ МОГУТ»
Новые факты к биографии В. Г. Распутина —
по материалам переписки В. Г. Распутина
с М. Е. Козловской (Вена)**

Представлен обзор писем В. Г. Распутина к австрийской славистке М. Е. Козловской, переданных в дар Литературному музею в сентябре 2017 г. Переписка охватывает период с 1986 по 2010 год. Традиционно Распутин писал Козловской или в конце декабря, или в начале года (в январе-феврале), поздравляя или откликаясь на поздравление с Рождеством и Новым годом. Таких писем большинство. Письма носят как бы обзорный за год, итоговый характер, с перечислением достижений и потерь, с размышлениями о текущей жизни — общественной и личной. Из них выстраивается хронологическая канва событий последних двадцати лет жизни Распутина, вырастает психологический портрет писателя, история его души.

Ключевые слова: В. Г. Распутин, биография писателя, письма писателей, эпистолярный жанр.

11 сентября 2017 года в Вене во время торжественной церемонии открытия выставки Государственного литературного музея «Река жизни Валентина Распутина» в Российском центре науки и культуры председатель общества соотечественников «Родина» Алиса Эдуардовна Кухар передала в дар Литературному музею комплекс документальных материалов, связанных с биографией В. Г. Распутина — фотографии, письма Распутина, книги с его дарственными автографами. Наиболее ценная и объёмная часть дарения — 23 письма Распутина к венской славистке Марии Ефимовне Козловской и 8 фотографий, сделанных Козловской во время визита Распутина в Вену, который состоялся в декабре 1985 года. В те дни писатель вместе с поэтом Олегом Шестинским несколько раз выступали в разных аудиториях в Вене и в частности перед членами Австрийско-Советского общества.

Мария Ефимовна Козловская, бывшая деятельным членом общества, активным участником общества соотечественников «Родина», человек энер-

* Павел Евгеньевич Фокин — кандидат филологических наук, заведующий отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского» Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Москва, Российская Федерация); pfokin@mail.ru

гичный, обаятельный, умный, филолог по образованию и просветитель по характеру, предложила гостям из СССР быть гидом во время их пребывания в Вене. Вместе они гуляли по Бельведеру, по центру города, помогала она и в походах по магазинам (для советского человека, как помним, важная и мучительная составляющая любой заграничной поездки), принимала у себя дома. Её душевное тепло, внимание, заботливость, её блистательное знание русской и советской литературы, горячий, заинтересованный разговор о судьбах России на долгие годы остались в памяти Распутина.

Спустя 13 лет, в июле 1998 года, он писал Козловской: «Мне в Вене уже не бывать, а вспоминается она, и в немалой степени благодаря Вам, как счастливый миг, счастья которого мы тогда в полной мере не в состоянии были осознать». Вообще, слова благодарной памяти звучат практически во всех письмах Распутина Козловской. Особенно запомнилось ему домашнее чаепитие, воспоминание о котором рефреном проходит через всю переписку. Уже в первом письме, 1986 года, есть упоминание об этом: «Часто вспоминаю чай в Вашем доме». И далее — 1988: «Я вспомнил сразу наше гостеванье у Вас, и чай домашний, а благодаря чаю вспомнил в подробностях квартиру и наши разговоры, ваши рассказы о курсах»; 1992: «Ничуть не лукавя, признаюсь, что вспоминаю Вас, чаепития в Вашем доме и наши прогулки по Вене»; 1994: «Проверить ваше гостеприимство был бы рад, дорогая Мария Ефимовна, но не мы нынче ездим. Откровенно говоря, и не хочется никуда с постной рожей. Слава Богу, успел и побывать, и повидать. И у Вас успел побывать, попить в Вашем доме чаю, послушать Вас — заглядывайте теперь по-соседски и Вы»; 2002: «Как в другой жизни вспоминаются Вена, чаепитие у Вас и разговоры»; 2006: «Вспоминаю Вену, чаёвничанье у Вас — так далеко уже это, и всё же так легко и радостно вспоминается, будто вчера было»; снова 2006: «Не будете ли Вы в Москве до весны? Заходите на чай. Я Ваш чай помню до сих пор»; в последнем письме от 15 января 2010: «Жаль, что не удастся в новой Вашей квартире за прежним столом попить чаю, но если Вы приедете в Москву, можно почаёвничать за нашим».

Поддерживая чайный сюжет, Мария Ефимовна, всякий раз, когда выдавалась оказия, посылала любимому писателю чай. Реакция Распутина всегда была самой искренней. 20 января 1988 года он начинает своё письмо настоящей одой чаю: «Вы и не представляете, какой для нас для всех в семье (мы все чаёвники) был праздник, когда мы получили посылку с чаем. Мне уже давно не доставляет удовольствия печататься, да и многие из прежних удовольствий пригасли или стали доступными, но когда хороший чай, да хорошо, правильно заваренный, да ещё под хорошую книгу или под хорошего человека — это уже преудовольствие. И настроение поднимается, и работается (или только так кажется) лучше, и утром поднимаешься без замешки — когда в доме есть хороший чай». В письме от 25 октября 1992 году Распутин с благодарностью сообщает: «Кое-что, и не самого дурного, написано мною и под те чаи, что присылались Вами».

Но, конечно, не только чай связывал их заочную дружбу (несмотря на постоянные приглашения Распутина, бывая в Москве, заглядывать к нему в гости, они с Козловской лично больше не встречались). Переписка началась сразу же после их знакомства в Вене (первое письмо Распутина, в отличие от всех последующих, не датировано, но, судя по всему, написано в 1986 году) и продолжалась до смерти Козловской (в марте 2010 года). Иногда в ней возникали длительные перерывы, связанные с занятостью или лечением Распутина

(в эти годы он перенёс несколько операций на глазах). Некоторые письма до адресата не дошли по вине почты (сетования на халатность и нерасторопность российской почты — ещё одна сквозная тема распутинских писем. Понятная для 1990-х годов, она, конечно, в 2000-е годы, когда большинство перешло на общение по электронной почте, выглядит экзотически — Распутин и в этом вопросе до конца остаётся верен традициям, оставаясь солидарным с корневой, провинциальной, деревенской Россией, ещё не изведавшей чудес информатизации). В составе переданных в литературный музей писем одно письмо (предположительно) за 1986 год, одно — за 1988, одно — за 1990, одно — за 1991, одно — за 1992, одно — за 1994, три — за 1995, два — за 1996, одно — за 1998, одно — за 1999, одно — за 2001, одно — за 2002, два — за 2004, четыре — за 2006, одно — за 2007 и одно — за 2009.

Традиционно Распутин писал Козловской или в конце декабря, или в начале года (в январе-феврале), поздравляя или откликаясь на поздравление с Рождеством и Новым годом. Таких писем большинство. Они носят как бы обзорный за год, итоговый характер, с перечислением достижений и потерь, с размышлениями о текущей жизни — общественной и личной. Из них выстраивается хронологическая канва событий последних 20 лет жизни Распутина, вырастает психологический портрет писателя, история его души. Козловская — дорогой и по-человечески очень близкий Распутину адресат. «Переписка наша, к сожалению, прервалась, не помню уже, по чьей вине, вероятней всего, по моей, — пишет он ей 3 марта 1991 года и признаётся: — однако не иметь от Вас никаких известий — это всё равно, как если бы кровь перестала поступать в какую-то часть самого себя».

Переписка с Козловской пришлась на самый драматический период в биографии Распутина. Начавшиеся в 1985 году перемены в общественно-политической жизни СССР привели к скорому краху советской державы, к глубокому кризису, охватившему все сферы жизни на постсоветском пространстве, и в первую очередь в России, — верным сыном которой Распутин был не по долгу, а по самой своей сути. Боль, гнев, растерянность, непонимание, неприятие гибельных для народа перемен составляют эмоциональную основу его эпистолярного наследия этих лет. С горькой иронией пишет он из Иркутска 30 января 1990 года: «У нас наконец зима, две недели трещат 40-градусные морозы. Хоть природа вспоминает о былом величии. Обо всём остальном на наших милых просторах ничего хорошего сказать нельзя. На Бога принялись уповать даже неверующие».

В письмах к соотечественнице, живущей за рубежом, сочувствовавшей, судя по всему, на первых порах процессам обновления в СССР, тема катастрофичности происходящего со страной, с народом, с культурой, с нравственностью одна из важнейших. В цитированном выше письме от 3 марта 1991 года Распутин продолжает: «В нашем отечестве сейчас слишком всё обострено и накалено, и мы с Вами можем оказаться разных взглядов на какие-то вещи (хотя и в этом я не уверен, поскольку мои взгляды, чтобы скомпрометировать меня, сознательно искажались), но если бы даже мы были разных взглядов — взгляды на Россию, я уверен, расходятся у нас не могут. Она нужна духовно сильная и физически крепкая, самостоятельная и уверенная в себе. Пока до всего этого так далеко, что, кажется, легче расчаты и выстроить Россию где-нибудь на Луне, чем на её собственной земле. Тем я и озабочен — чтобы это не было ещё дальше».

Через полтора года, 25 октября 1992, из вступившей в самостоятельное историческое плавание России Распутин сообщает: «Что касается происходящих в России событий, лучше о них не писать. По двум причинам. Во-первых, пока это письмо дойдёт до Вас, много чего может случиться у нас нового и драматичного, а во-вторых, не хочется навязывать своё мнение. Мои взгляды по поводу того, кто виноват в трагедии России, могут не совпадать с Вашими, я знаю по своим друзьям, живущим вне России, истинным её патриотам, как много значит это физическое “вне” для их суждений, которые ни в коем случае нельзя считать неискренними. Быть внутри и переживать со стороны — слишком это сегодня разные вещи. Но когда, скажем, Владимир Максимов или Эдуард Лимонов подолгу остаются здесь и попадают в наш кипящий котёл, они начинают рассуждать совсем по-другому, чем оставаясь в Париже. И это закономерно. Повторяю, мы с Вами можем несколько по-разному смотреть на подоплёку событий, но боль от теперешнего положения России у нас не может быть разной. И это, я надеюсь, делает нас единомышленниками больше, чем взгляды, кои вообще склонны к переменам.

Скажу лишь, что главное моё “заблуждение”, которое ставится мне в вину (не одному, разумеется, мне) — это чтобы Россия оставалась Россией, не коммунистической, конечно, но самостоятельной, самобытной и самовыражающейся, а не пристёгивалась грубо и цинично, как это делается сейчас, к чужому городу».

От письма к письму, от года к году тревога и негодование нарастают. Из письма 10 марта 1995: «Что сказать о нашей жизни? Ничего хорошего. А пугать вас нашей действительностью не хочется. Вы о ней, вероятно, слышаны. Лесковская героиня в “Воительнице” говорит: “Жизнь для своего пропитания веду самую прекратительную”. Такова сейчас вся Россия.

Я почти два месяца провёл в Москве, обессилел там, глядя на достижения демократии, и вернулся домой, к Байкалу. Сейчас и пишу Вам с Байкала. Здесь легче переносить великое и самоотверженное наше движение в цивилизованный мир, потому что здесь можно оставаться дикарём. Не дикарём из городских джунглей, а дикарём наподобие моего предка тунгуса, утверждающего, что “олени лучше” и самолёта, и парохода. Скоро мы вновь сядем на оленей и откочуем в тайгу. Я готов. От того бардака, который в России творится, другого выхода нет. Он, бардак, достигнет, конечно, и тайги (почему-то натовские полковники считают на Байкале нерпу, хотя буряты это делают лучше), но хоть ненадолго убежать».

17 июля 1995: «Жизнь наша “необъяснимая”, т. е. её в письме объяснить нельзя. Треть населения обирает Россию, треть нищенствует и треть, оставаясь при всеобщем разгуле цинизма и бесстыдства более или менее порядочными людьми, ушла в глухую оборону и старается сохранить себя и сохранить свои ценности. Вот-вот начнётся предвыборная вакханалия, самая беспощадная, потому что одни торопятся завершить разворовывание России, другие — во что бы то ни стало остановить».

2 июля 1997: «Недавно один из наших новых вождей — Чубайс — выдвинул в официальном выступлении лозунг: больше наглости! — и никого это не возмутило и на отклик не подвигло. Так мы теперь живём, в такой обстановке струны, о которых Вы упоминаете, конечно же, не выдерживают и лопаются.

В последнее время, начиная с первых дней нового года, редкая неделя обходилась у меня без похорон. Хороню родственников, друзей, людей близ-

ких мне по духу, стариков, пожилых и молодых. Всё чаще самоубийц. В два последние месяца: племянницу сбили машиной, друга укусил энцефалитный клещ (в городе от них не стало спасения, а в лес в мае-июне и сунуться боимся), тётя, сестра отца, 77 лет, фронтовичка, покончила с собой, устав терпеть, как написала она в оставленной записке, унижения и страх. Но была она одинокой, ещё и это сыграло роль. Была женщиной гордой, волевой — и это тоже.

Словом, не стало работы — хороним, прощаемся, привыкая уже и к этому. Убивает не только голод и болезни, хотя и этого предостаточно, но больше всего — оттого, что нечем дышать, от усталости моральной.

Чем-то всё это должно скоро кончиться».

23 декабря 1999: «Мы здесь, в России, не скучаем. Только что прошли выборы в Думу — и шоу, и комедия, и трагедия одновременно. Я, слава Богу, в этом действе участия не принимал. Всё совпало — и предвыборная звериная схватка, одна, и теперь другая, президентская, и 2000-летие, и литературные юбилеи, которые сыпятся как из рога изобилия, и похороны друзей и близких, тоже как из рога изобилия, и собственная старость, и полнейшее непонимание происходящего... Кто-то закрутил сюжет слишком круто и безжалостно. И порой не понять, особенно по утрам, когда просыпаешься: то ли живёшь среди всего этого, настоящего, то ли смотришь со стороны.

Именно так: настоящее наше — настоящее, созданное больной и жестокой фантазией».

12 января 2004: «В Иркутск езжу теперь в поезде. Почти четверо суток — пол-России протягивается. И картина, надо сказать, безрадостная. Две России теперь у нас, каждая живёт отдельно, и друг с другом они стараются не соприкасаться. Едешь: вслед за разрушенным посёлком, даже и не стоящим, а лежащим бессильно, выскакивает посёлок из дворцов, мимо запущенных полей гонки на иномарках. И так везде и во всём».

И хотя жизнь в России, как кажется из Москвы, стабилизируется и выправляется, ощущение гибельности не оставляет писателя. В январе 2007 (или 2008 — письмо не датировано, дата устанавливается по косвенным фактам) читаем: «Не стану жаловаться на всё, что “деется” (это слово моей бабушки, давно ушедшей, я это слово очень люблю) — что деется в России. Вы и в Вене это замечаете. Как с цепи сорвалась она и бросилась срывать с себя все прежние одежды, обычаи и законы. Три дня назад был в храме в праздник Крещения Господня и после службы архиепископ пригласил на трапезу. Я спросил у него, считает ли он, что теперь, когда вера не преследуется, восстанавливаются старые и строятся новые храмы, которые не пустуют, — считает ли он, что теперь стало чище в обществе? Нет, ответил он решительно, вера не в состоянии справиться с разрушением нравственности, верующие, выходя из храма, невольно подчиняются миру. И это было предсказано, мы доживаем последние времена. Я изумился, что это говорит высокий настоятель церкви, человек известный и мудрый, а он прочитал мне несколько высказываний старцев по этому поводу. Значит, и церковь — это только утешение, а не спасение. И я вспомнил, что и сам встречал у одного из старцев поразившее меня “напрасно рождённые”».

Другая, не менее важная тема — литература. Распутин непременно сообщает Козловской о выходе своих новых книг и произведений, о литературных заботах, литературном быте, делится мыслями о писательском труде, обсуждает с ней современное состояние русской литературы. Литература перестала

кормить, читатель отворачивается, приходится заниматься публицистикой, которая одна ещё приносит доход, но отнимает время и душу.

«Пишу довольно много, но это по большей части не литература, а подёнщина, — сообщает он в письме от 14 февраля 1994 года. — Литературой русскому писателю теперь не прожить. Но и бульварщину русский читатель пока не принимает, чья бы она ни была — отечественная или зарубежная. От новизны попробовал — стошнило — и взапятки. Держащие нос по ветру оборотистые книгоиздатели начинают это понимать, выпуская небольшими тиражами классику, но не в состоянии понять, почему взапятки. Для них это взапятки от нового стиля, от цивилизации, а не от дурного тона».

И всё же писатель не сдаётся. 17 июля 1995 года пишет Козловской:

«Потихоньку я начинаю возвращаться к художественному слову, публицистика осточертела. Если сама жизнь, сама действительность не смогла убедить чересчур упорствующих в своих симпатиях телевизионному слову людей, писательским словом их не убедишь. Пусть с тем и остаются. А я под конец жизни постараюсь поработать не горяча душу».

Не получилось, как мы знаем, «не горяча душу» — не такая была душа у Распутина, чтобы остыть.

В 1996 году Козловская прислала Распутину на рецензирование рукопись подготовленной ею хрестоматии по русской литературе для слушателей курсов, которые она вела при Российском центре науки и культуры, и Распутин откликнулся развёрнутым письмом (от 18 февраля 1996), в котором даёт свою оценку выбору Козловской. Не со всем он согласился, впрочем, признавая право составителя на его точку зрения. Высказанные Распутиным в этом письме замечания можно считать программными. Он пишет:

«Мне не совсем ясен принцип, по которому подбирались произведения и герои. Впечатление такое, что по личным качествам, которые могут служить примером, по личной “спасительной” сути человека для другого человека. Дело это хорошее, придаться к нему трудно, но в таком случае это слишком широкий фронт “поиска”, он мог бы представить Вам почти бесконечное число произведений. Герой книги русского или советского автора есть житель той единой страны, которая зовётся русской литературой. У неё есть свои принципы, свои качества, свой характер и свои особенности. Но, говоря о героях, о их личном, Вы не говорите о литературе, может быть, это было прежде, не знаю, и, может быть, за пределами этой книги уже говорилось, что русская литература, главными достоинствами (в герое) которой являются духовность и любовь к человеку (не гельмановская), тем и была велика, что она не отделяла человека от народа. И тогда через призму народного отношения к человеку легче судить и смотреть на одиночку с его индивидуальными качествами, прошедшими испытания и пр.

Русскую литературу только теперь пытаются делать индивидуалистической, “штучной”, прежде она такой не была.<...>

У нас сейчас много говорят о гибели русской литературы. Она, конечно, не погибла и не погибнет, пока жива Россия, но в связи со шквальными “культурными” ветрами, которые дуют с Запада, в ней, к несчастью, начинают проявляться трагические перемены. Объяснять их долго, у меня по этому поводу есть статья, но суть их (перемен): под Америку. Делай так, как в Америке, тогда напечатают и премируют».

Обсуждение подготовленного Козловской учебного пособия продолжилось в их переписке. Мария Ефимовна написала пространное письмо с

комментариями (его черновик также передан в фонды ГЛМ). Откликаясь на него в декабре 1996 года, Распутин, пишет: «Опять обращаюсь к Вашему последнему письму. У меня подряд, один за другим, были гости — американский профессор из канзасского университета, славист, только что переведший на английский вместе со своей женой мою “Сибирь” — Джералд Майклсон (называю его имя, потому что могли слышать), японский славист и петербургский профессор, работающий в Сеуле, — и все они говорят, как сильно упал и продолжает падать интерес к русскому языку. Знаю также, насколько меньше стали переводить нашу литературу. Может быть, она, литература в последнем своём качестве, и заслуживает того, но Вы правы: главное — авторитет России. Падает он — падает в цене всё, чем она пользуется и что производит. И конца этому падению не видно».

Сообщая в январе 2004 года о публикации повести «Дочь Ивана, мать Ивана», Распутин добавляет:

«Повесть Вам вдали от России и всего происходящего у нас едва ли понравится, но, если выкажете интерес, книгу потом постараюсь прислать.

Книги вообще-то в последние годы выходят — старое вперемешку с новыми рассказами, но они не кормят, гонорары столь малы, что в газете иной раз за статью дают больше. Переводов не бывает, срамное и дурное писать не умею, а именно это сейчас в ходу. Только китайцы в прошлом году выпустили книжку рассказов, а теперь берут повесть. <...>

Читаю мало: глаза не дают. По этой же причине и пишу не больно много. Но тут, пожалуй, и лукавлю, потому что и всегда писал лишь в том случае, когда не мог не писать. Для меня это не физиологический акт, как, к примеру, у модного В. Сорокина, а роды: пришло время рожать — никуда не денешься».

В декабре 2006 он с грустью констатирует: «В литературе талантливых почти нет. В компьютерных произведениях даже буквы дырявые и срамота, срамота или скоморошьё. Нетрудно представить, как посмотрели бы на теперешнее творчество даже и не столь давние Бунин, Шмелёв, Зайцев... Тяжкие им достались испытания, но не было испытания тем, что воцарилось теперь».

Спустя два года, в январе 2009 года, Распутин точно продолжает прерванные размышления: «То, что Вы сказали о своём впечатлении о нашей новейшей литературе, истинная правда. Ткнёшься, окунёшься в безобразии или тьму-тьмущую и скорей к классикам — Бунину или Шмелёву. Они и о тяжких временах умели сказать глубоко и обнадеживающе. А на нынешнюю прозу глядя, особенно молодых, поневоле поверишь, что литература подходит к концу. И дело тут не только в писателях, но и читателях. Сейчас ещё есть и те и другие, но их всё меньше и меньше. Как бы хотелось ошибаться, но всеобщая компьютеризация не даёт, нынешнее образование не даёт, новые приёмы жизни, вкусы и нравы. Вкусы и нравы можно в конце концов изменить, но компьютер, как бы он в будущем ни назывался, будет всё более совершенствоваться и поглощать человека. Повторюсь: как бы хотелось ошибиться».

В этом же письме он как бы ставит точку в своей писательской деятельности: «Я почти не пишу и всерьёз работать, видимо, уже не смогу». И хотя ещё будет последняя поездка по Ангаре, и документальный очерк «И снова вниз по течению...», но силы Распутина навсегда подорваны. И здоровьем, с возрастом он всё больше времени проводит по больницам, и общей ситу-

ацией в стране, и личной трагедией: «После гибели дочери ушло и слово; слава Богу, я это вижу», — признаётся он.

О семье, жене Светлане, Распутин писал нечасто, но вот о Маше всегда упоминал: рассказывал о её успехах в консерватории, об аспирантуре, стажировке за границей. Мария Ефимовна запечатлела, как он выбирает в венском обувном магазине сапожки для любимой дочери. И конечно, то, что случилось 9 июля 2006 года в аэропорту Иркутска, стало безмерным испытанием для души Распутина. Спустя несколько месяцев (5 ноября 2006), благодаря за моральную поддержку, он расскажет обо всём своему далёкому другу, в слове попытаясь изжить свою муку.

«Дорогая Мария Ефимовна!

Спасибо за сочувственное письмо, за то, что отозвались на наше горе или беду... как это ни называй, случившееся больнее и страшнее в тысячу раз. В старости смерть естественна, и слёзы мы льём над стариками — потому что таков обычай и потому что это неизбежная чередка на шаг приближается к каждому из провожающих. Тут смерть — это хозяйка, наводящая порядок, особенно в деревенском бытии.

И есть смерть страшная, несправедливая — когда ни за что ни про что убивают молодых (я уже не говорю о войне, но в России в последние полтора десятилетия потери от злобных сердец и непутёвых душ не меньше на улице и подворотнях, а намного больше, чем они были на чеченской войне).

Можно и дальше перечислять.

То, что случилось с Марией и другими её попутчиками — это даже и не смерть, ибо она не успела бы так скоро, а какая-то жуть непредставимая, порождённая новым порядком вещей. Уже четыре месяца я изо всех сил пытаюсь не представлять, трясусь головой, чтобы вытряхнуть подступающую картину, избежать очередной своей казни... но нет, она наваливается и заставляет меня представлять, как это было (хотя это и нельзя представить): вот она, Мария наша, мечется, рвётся, не верит, потому что только накануне причащалась, и наконец, задохнувшись, падает вместе со 120-ю остальными. Это “наконец” длилось, вероятно, минуты. Мы опознали её по кресту, он был особый, как бы квадратной формы, из Иерусалима.

И вот эти последние минуты или даже секунды (или, всё-таки минуты) — вот это никуда и никогда от меня не уйдёт. Да и не только от меня.

Но мы хоть останки нашли, а многие совсем ничего не нашли. Дважды, в девятины и в сороковины собирались мы на панихиду на этом месте, где ещё торчат над землёй (самолёт горел, запрыгнув на гаражи) крылья этого чудовища. В первый раз было много слёз, во второй, спустя месяц, вдвое меньше родственников, а те, что пришли (я говорю не обо всех, а кого знаю и кого запомнил) — какая-то неземная отрешённость в лицах и онемение. Что говорить? О чём говорить? Подошла к владыке нашему, архиепископу иркутскому, моложавая ещё женщина, от дочери которой не осталось ни пылинки. Владыка благословил её — и она, страшась заговорить, отошла.

А мы с владыкой (и, конечно, со Светланой, с женой) поехали к Марии. Лежит она хорошо: сразу за могилой глубокий спуск к жизни: железная дорога, красиво извивающийся Иркут-река, за ним деревня с храмом в центре и звон колоколов. Там и мы с женой ляжем, рядышком с дочерью.

Простите за грустное письмо. Другое не написалось».

В переписке также отражен целый ряд других сюжетов, но и этот краткий обзор позволяет говорить о высокой исторической и литературной ценности документов, поступивших в состав рукописного фонда Государственного литературного музея.